

АРТЕМИЙ Р. КУРБАНОВ

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Ядовитые змеи в контексте критических исследований животных: к постановке проблемы

doi: 10.22394/2074-0492-2019-3-186-203

Резюме:

В статье рассмотрены взаимоотношения человека и ядовитых змей в контексте *critical animal studies*. Долгое время они развивались преимущественно в форме конфликта, обострившегося в ходе колониальной экспансии в тропические и субтропические регионы. Однако изобретение антивеномов (противозмеиных сывороток) в начале XX века вносит новые аспекты в отношения человека и ядовитых змей. Использование яда в получении сывороток позволяет обрести над змеями власть, которая больше не требует их уничтожения. Серпентарии и лаборатории базируются на модели эксплуатации ядовитых змей, а также других животных, участвующих в производстве антивеномов. По мере развития общих принципов взаимоотношения человека и природы этот дискурс усложняется и модифицируется. В деятельности серпентариев появляются установки, связанные с бережным отношением к объектам эксплуатации, пролонгированием их существования и отработкой способов разведения змей в неволе. Использование критического подхода позволяет рассмотреть взаимоотношения между человеком и ядовитыми змеями как часть континуума властных практик, реализуемых в отношении природы в целом и конкретных биологических видов.

Ключевые слова: ядовитые змеи, антивеномы, серпентарии, конфликт человека и животных, эксплуатация животных

186

Курбанов Артемий Рустямович — кандидат политических наук, доцент кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Научные интересы: история и особенности функционирования социальных институтов (образование, здравоохранение), социальный контекст взаимоотношений человека и других биологических видов, история науки. E-mail: ark112@yandex.ru

Социология
ВЛАСТИ
Том 31
№ 3 (2019)

Artemiy R. Kurbanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Venomous Snakes in the Context of Critical Animal Studies: The Problem Statement*Abstract:*

The article discusses the relationship between humans and poisonous snakes in the context of *critical animal studies*. For a long time, this relationship developed mainly in the form of a conflict which significantly escalated during the colonial expansion of Europeans into tropical and subtropical regions. However, the invention of antivenom (anti-snake serums) at the beginning of the 20th century brings new aspects to the relationship between humans and poisonous snakes. The use of venom to obtain sera allows humans to gain power over the snakes, no longer requiring their extermination. The serpentariums and laboratories necessary for the production of antivenoms are based on a model of exploitation of venomous snakes and other animals involved in this process. As the general principles of the relationship between man and nature develop, this discourse becomes more complicated and modified. In the activities of serpentariums, directives are emerging that are associated with a careful attitude towards the objects of exploitation, prolonging their captive existence, and developing methods for breeding snakes in captivity. Using a critical approach allows us to consider the relationship between humans and venomous snakes as part of a continuum of power practices that humans implement in relation to nature and specific biological species.

187

Keywords: venomous snakes, antivenoms, snake farms, serpentariums, human-animal conflicts

Введение

C*ritical animal studies* предполагает деконструкцию рутинных моделей взаимодействия между человеком и животным с обнаружением в последних репрессивных, эксплуатирующих смыслов, которые за ними стоят [Best et al. 2007]. Животные насильственно лишены субъектности, потому что вписаны в антропоморфический диспозитив, в рамках которого они подвергаются эксплуатации. Некритическое исследование является частью этого диспозитива¹.

Artemiy R. Kurbanov — PhD in Political Sciences, Associate professor, Lomonosov Moscow State University. Scientific interests: history and features of social institutions (education, healthcare), social context of relationships between humans and other biological species, history of science.

- 1 Как типичный пример некритического текста можно привести справочник «Промысловая фауна океанических вод Северо-Западной Африки». Как отмечают его авторы, предназначение справочника — «сориентировать читателя в массе промысловых объектов, ознакомить с правильным научным

Критическое исследование в таком случае не может не быть *освобождением*: животные как «лишенные голоса» не-человеческие акторы получают возможность высказывания через текст [Woods et al. 2018]. Степень радикальности при этом различна: одни тексты призывают полностью заменить существующие формы взаимоотношений человека и животных, другие — умеренно расширить нашу социальность путем включения не-человеческих существ [Ferk1 2018; Guillo 2015].

Фокус внимания исследователей в рамках *critical animal studies* зачастую сосредоточен на тех животных, которые близки человеку с систематической точки зрения. Это млекопитающие, эксплуатация которых связана с неизбежным причинением страданий и смерти (животные, используемые в пищевой, кожевенной промышленности, для получения меха, в медицинских экспериментах и фармацевтических тестах). Значительно реже в этом контексте рассматриваются неродственные человеку группы видов: рыбы, амфибии, рептилии. Среди последних из поля зрения критических исследований практически полностью выпадают змеи — животные, взаимоотношения с которыми человека до настоящего времени имеют явно драматический (и в ряде случаев — безысходный) характер. Такое качество они приобретают в первую очередь из-за ядовитости ряда змей.

188

Настоящая работа призвана заполнить указанную теоретическую лакуну, критически рассмотрев взаимоотношения человека и ядовитых змей. Отличительная характеристика последних, с одной стороны, определила отношение человека ко всем представителям отряда *Serpentes*, а с другой — сделала возможным существование уникальной формы их эксплуатации в рамках целой системы институций.

Взаимоотношения людей и змей: культурные детерминанты

Человек как биологический вид сосуществовал со змеями в течение всей своей естественной истории. В регионах, где разнообразие офеофауны¹ было велико (Африка, Юго-Восточная Азия, оба амери-

названием вида, с его технологическими свойствами и указать на возможное использование» [Гущин, Перова 2011:10].

1 Офеофауна (греч. *ὄφις* — «змея», лат. *fauna* — имя римской богини-покровительницы стад животных) — совокупность видов змей, распространенных на определенной территории. Аналогичным образом образуются схожие термины, обозначающие совокупность родственных видов, встречающихся в пределах определенной территории или же существовавших в рамках определенного периода: орнитофауна, ихтиофауна, герпетофауна, энто-

канских континента) практически во всех традиционных культурах змеи имеют важное символическое значение; при этом оно, как правило, не имеет однозначно негативных коннотаций [Dummond 1981; Альбедиль 2012]. Вместе с тем в рамках европейской культуры, фундаментом которой стала христианская религия, змея выступает как символ злого начала, опасного и вредного для человека по своей природе [Charlesworth 2010; Бер-Глинка 2015]. Активное (и вынужденное) взаимодействие представителей европейской цивилизации с офеофауной становится все более интенсивным по мере колониальной экспансии в регионы Африки, Юго-Восточной Азии, Южной и Северной Америки.

Становление колониальной системы сопровождалось трансформацией хозяйственной деятельности на ставших доступными европейцам территориях, развитием плантаций, что приводило к частым контактам со змеями. Культура Нового времени, для которой характерно принципиальное размежевание между человечеством и природой, превращение последней в объект, подлежащий трансформации и управлению, окончательно зафиксировала негативные установки в отношении опасных для человека биологических видов. Змеи оказались жестко вписанными в эту роль. Не подлежит сомнению, что именно ядовитость стала тем фактором, который предопределил отношение человека к змеям, заставляя видеть в каждой из них потенциального смертельного врага.

При этом предпосылки этого не вполне очевидны. Из более чем 3500 видов змей, известных науке сегодня, лишь пятая часть (около 700 видов) обладает видоизмененными слюнными железами, способными продуцировать ядовитый секрет, и зубочелюстным аппаратом, необходимым для нанесения эффективного укуса. Практически во всех регионах видовой состав офеофауны воспроизводит эту пропорцию. Количество видов, представляющих реальную опасность для человека, значительно меньше. Всемирная организация здравоохранения выделяет порядка 240 видов змей, имеющих значение для медицины [Venomous snakes distribution., 2019].

Однако исследования установок людей в отношении змей однозначно фиксируют их негативный характер, в том числе стремление уничтожать любую встреченную змею [Pinheiro et al. 2016; Sánchez-Paniagua et al. 2018; Liordos et al. 2018]. Потенциальная опасность отдельных видов оправдывает в отношении всей их совокупности превентивные жестокие действия. Распространенное в Латинской

мофауна, палеофауна и др. Термин «офеофауна» используется преимущественно в зарубежной специальной литературе и менее известен, чем приведенные выше.

Америке выражение «serpiente buena — serpiente muerta» (хорошая змея — мертвая змея) имеет почти дословные эквиваленты во многих языках и регионах. С его помощью четко задаются этические грани во взаимоотношениях людей и змей без различия, к какому виду принадлежат последние [Understanding the Relationship.. 2018]. Вместе с тем можно обнаружить, что в рамках подобного бескомпромиссного противостояния возникают уникальные практики эксплуатации, обусловленные ядовитостью змей, их отличительной характеристикой. Эти практики модифицируются, оказывая определенное влияние на отношение к змеям.

Bellum internecium¹: программы истребления змей

190

Взаимоотношения человека и змей в Новое время (XVII-XIX вв.) можно охарактеризовать как войну на уничтожение, в ряде случаев получившую закрепление на политическом уровне. Ярким примером такого подхода является программа истребления ядовитых змей, которую в 1870-1890-х годах осуществляло правительство Индии, входившей в состав Британской империи. Программа основывалась на идеях английского врача Джозефа Файрера, который внес большой вклад в изучение змей субконтинента и последствий их укусов. Файрер рассматривал ядовитых змей как взаимодействующую с местным населением коллективную силу, наделенную способностью и желанием причинять вред человеку. На основании этого он предложил колониальной администрации выплачивать вознаграждение за каждую убитую рептилию [Faure 1872].

Программа уничтожения змей существовала вплоть до 1890 года, когда после сопоставления денежных выплат за убитых животных (число которых в среднем составляло 200-300 тысяч в год) с ежегодным числом подвергшихся укусам, правительство Индии пришло к парадоксальному выводу: «никакая система предоставления вознаграждений за уничтожение змей не могла оказать сколько-нибудь заметного влияния на смертность от укуса змеи» [Price 2017: 209]. Стало очевидным, что программа привела к появлению новых практик, никак не способствовавших достижению ее конечной цели, — снижению риска укусов для местного населения. Некоторые общины, традиционно связанные с ловлей змей (например, факиры-заклинатели) стали практиковать разведение ядовитых змей для пополнения истощавшихся природных популяций². Чле-

1 Лат.: Война на истребление.

2 С этими событиями связана идиома «эффект кобры», обычно используемая в экономическом дискурсе в ситуациях, когда предложенное решение

ны других общин занялись специальным промыслом, углубляясь далеко в джунгли и убивая змей там, где они не могли причинить вреда людям, поскольку обитали слишком далеко от населенных территорий. Среди всего прочего процветал подлог, поскольку чиновники, выплачивавшие вознаграждение, зачастую не могли уверенно отличить ядовитых змей от неядовитых.

Реализация программы Файрера в конечном итоге способствовала обогащению представлений о взаимоотношениях людей и змей с учетом реальных обстоятельств: образа жизни индийцев, сельскохозяйственных циклов, влияния сезонных факторов на активность рептилий. Идея Файрера о том, что змеи представляют собой природную силу, целью которой является причинение вреда людям, теряла своих приверженцев. Изучение действительных обстоятельств трагических встреч со змеями привело к пониманию того, что они неизбежны, но при этом происходят неожиданно и случайно, поскольку участники этих эпизодов не ищут контактов друг с другом¹. Стало очевидно, что змеи, безусловно, представляют опасность для людей, однако (в отличие от крупных хищников) не рассматривают их как добычу.

В силу этого вероятность встречи со змеей зависит от сочетания ряда факторов: она повышается, например, во время муссонных дождей, когда вода заливает подземные укрытия рептилий. Как следствие, колониальная администрация переориентировалась на мероприятия по очистке и благоустройству обжитых территорий. В 1901 году она окончательно отказалась от финансирования мероприятий, связанных с контролем количества змеиных укусов. Не в последнюю очередь это было обусловлено открытием нового, действительно эффективного, средства их лечения — противозмеиной сыворотки.

191

Scientia vinces²: начало эры антивеномов

До утверждения пастеровской парадигмы³ в медицине врачи, пытавшиеся бороться с последствиями змеиных укусов, исходили

проблемы ее усугубляет или же приводит к непредвиденным неблагоприятным последствиям.

- 1 Следует отметить, что именно такой интерпретации обстоятельств взаимодействия человека и змей придерживаются сегодня сторонники сохранения биоразнообразия.
- 2 Лат.: Наукой победишь.
- 3 Эта парадигма базируется на понятии инфекционного агента, которого можно «взять в союзники» в лаборатории, обратив его силу против него самого и ему подобных. См. [Латур 2015].

из представления о том, что яд является активной субстанцией, действующей на организм пострадавшего, и купировать это действие можно, либо задержав ее распространение в организме, либо разрушив, уничтожив ее с помощью внешнего воздействия [Schickoge 2017]. Появление представлений о том, что яд — это аналог инфекционного агента, в сочетании с идеей, что к нему, как любому подобному агенту, возможна выработка иммунитета, позволило модернизировать стратегию поиска «контрагента» яда.

В этом качестве стали рассматриваться антитела, вырабатываемые при постепенном введении в организм нарастающих доз яда. Сыворотка крови животного-донора стала первым эффективным противоядием (антивеномом), хотя представления о составе и механизме действия змеиных ядов уточнялись и дополнялись в течение всего XX века и продолжают совершенствоваться до сих пор. Впервые такое противоядие было получено в 1890-х годах почти одновременно несколькими французскими исследователями: Цезарем-Огюстом Физалисом и Габриэлем-Эмилем Бетраном, с одной стороны, и Леоном-Шарлем Альбером Кальметтом, с другой. Кальметта обычно и называют первооткрывателем метода сывороточной терапии, поскольку он внедрил его в производственную практику [Bochner 2016].

Появление антивеномов по-новому определило диспозиции в отношениях человека и змей, внеся в них мотив эксплуатации. Для производства антидотов требовался яд, получить который можно было только от самих змей. Для этого их нужно было не убивать, а регулярно отлавливать. Новые медицинские технологии, которые дают человеку особую власть над змеями, позволяя нейтрализовать их главное оружие, приводят к возникновению новых форм организации, частично повторяющих модель пастеровских институтов, — лабораторий для производства сывороток, совмещенных с серпентариями для содержания ядовитых змей. Параллельно возникает комплекс практик¹, связанных с отловом ядовитых змей, их транспортировкой, содержанием и получением яда, каждый из элементов которого предполагает укрощение, подчинение человеку таких прежде непокорных противников, какими были ядовитые змеи.

Центральный элемент этих практик — процесс ядовзятия (на профессиональном сленге — «дойка», *milking*). Голова змеи фиксируется

1 Эти практики предполагают неизбежный прямой контакт с ядовитыми змеями, что противоречит инстинкту самосохранения и связанным с ним поведенческим установкам. По этой причине деятельность сотрудников серпентариев до сих пор привлекает внимание общественности и СМИ.

пальцами оператора; затем производится массаж ядовитых желез (или же их стимуляция слабым разрядом тока). Яд стекает в ядоприемник — чашку Петри, стакан и т. д. [Amagal 1927a]. Эта процедура опасна и для человека-оператора, поскольку малейшая ошибка при ее осуществлении чревата укусом, и для змеи из-за риска травматизации. При этом альтернативы данной практике не существует. Сам процесс имеет явный символический компонент, поскольку становится максимально наглядной демонстрацией власти человека над змеей. Неслучайно ядовзятия и сегодня могут проводиться публично, привлекая внимание посетителей серпентария.

В новую систему отношений оказываются включены давние спутники человека — лошади, в крови которых формируются необходимые для производства сывороток антитела, а также другие животные — мыши, крысы, кролики, голуби, которые использовались для испытания новых препаратов и изучения механизмов действия яда¹. По мере совершенствования методик содержания ядовитых змей к ансамблю нечеловеческих акторов, включающем ядовитых змей, лошадей-доноров и лабораторных животных, добавляются кормовые животные. Помимо практических компонентов эта система получает дискурсивное обрамление. В нем четко фиксируются роли нечеловеческих акторов — ядовитые змеи являются опасным противником, которого победили его же оружием, а лошади — союзником, благородно отдающим кровь для спасения жизней людей. Этот дискурс, однако, маскирует, что лошади, так же, как и змеи, являются объектами эксплуатации, союзниками поневоле, здоровью которых в процессе иммунизации наносится непоправимый ущерб [Hablolvarid 2017].

193

В 1911 году увидел свет текст, ставший точкой отсчета в формировании подобного дискурса. Основатель и первый директор бразильского Института Бутантан в Сан-Паулу, одного из самых известных учреждений, производящих антивеномы [Вершинина и др. 2018], — Витал Бразил Минейра да Кампанья опубликовал книгу «Защита от офидизма», в которой был обобщен опыт работы по противодействию укусам ядовитых змей. В ней нашли выражение этиче-

1 Например, П. Хоббинс на австралийском материале рассматривает исторические аспекты вивисекционной практики, связанной с эмпирическим исследованием действия змеиного яда на животных. Эта практика была широко распространена в Австралии и в других странах и неразрывна связана с причинением страданий и смерти тем, кого определяли на роль объектов таких экспериментов. Этическая составляющая подобных действий обычно не проблематизировалась учеными и врачами, поскольку последним было свойственно исключать не-человеческих акторов из моральных рамок, очевидных сегодня. [Hobbins P. 2017].

ские установки в отношении этих животных¹. Бразил рассматривал ядовитых змей как врагов, угрожающих жителям Бразилии, с которыми необходимо бороться всеми способами, но лучшим из них является отлов и отправка в Институт Бутантан. Бразил определил круг возможных «союзников» человека из числа биологических видов, включающих ядовитых змей в свой рацион. Среди них особое место было отведено муссуране — крупному ужу, диета которого почти целиком состоит из южноамериканских ямкоголовых гадюк [Brazil 1911: 70-71]. Тем самым дискурсивное оформление противостояния человека и ядовитых змей усложнялось, в него включалась группа союзных видов, наиболее важный из которых сам являлся представителем офеофауны.

Серпентарии как репрессивный институт: траектория развития

194

В первой и второй трети XX века происходит активное развитие сети серпентариев и лабораторий по производству сыворотки. Они возникают во всех регионах, где ядовитые змеи представляют опасность для населения. Производство антивеномов начинают активно осваивать в латиноамериканских странах, в Южной Африке, Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, Австралии. Перспективу подобных институтов завершают серпентарии, созданные в СССР в 50-70-х годах XX века. Они стали отражением социо-экономической системы, основанной на плановой экономике, и представляли собой скорее индустриальные комплексы, чем лаборатории, со своими годовыми планами, «передовиками» производства и др. [Егоров 1964]. Эти институции формировались обособлено либо в виде подразделений при уже существующих учреждениях, связанных с производством иммунобиологической продукции.

Образцом для организации и функционирования подобных структур становится Институт Бутантан, основанный в 1901 году. Работа Института часто привлекала внимание СМИ, политиков, писателей, путешественников. В 1915 году его посетил Теодор Рузвельт; в 1928 году Афраниу ду Амарал, директор Бутантана и один из самых известных герпетологов первой трети XX века, стал «лицом» журнала Time. В 1936 году гостем Института был Стефан Цвейг [Dewulf 2017]. Для Мирослава Зикмунда и Иржи Ганзелки во время

1 Книга В. Бразила в первой половине XX века пользовалась огромной популярностью в Бразилии и за ее пределами. В 2011 году увидело свет ее юбилейное переиздание, включающее в себя статьи бразильских ученых, освещающих современную ситуацию с укусами ядовитых змей в Бразилии.

путешествия по пяти континентам в 1947–1950-х годах посещение Бутантана стало одним из самых ярких впечатлений. Но за фасадом научного прогресса и человеческого триумфа скрывалась картина медленной и мучительной смерти змей, попадавших в Институт со всех концов страны. Их убивали стресс, инфекции, неподходящие условия содержания, но главное, изначально не ставилась задача продления их жизни. В течение нескольких десятилетий существования Института змей в его серпентарии не кормили — считалось, что при этом они будут расходовать яд [Johnson 1933].

Примечательно, что в ранние годы работы серпентария его сотрудники при общении с прессой прямо указывали на то, что кормление змей не предполагается, а затем просто сообщали, что змеи в неволе отказываются от корма, как бы снимая с себя ответственность за их гибель¹. Основной объем яда получали при первом ядовзятии, в дальнейшем, по мере ухудшения состояния змей, количество яда, которое можно было от нее получить, неуклонно снижалось. Пауза между ядовзятиями составляла несколько недель, как правило, 4-я или 5-я процедура становилась последней. Тем самым пребывание змей в серпентарии, по сути, было эквивалентно их убийству, пусть и занимавшему определенный временной промежуток.

Таким образом, серпентарии первой половины XX века представляли собой «фабрики смерти», эксплуатация змей в них строилась на изначально представлении об их обреченности. Это не рассматривалось как проблема ни с этической, ни с практической точки зрения — павших животных всегда можно было заменить вновь отловленными. Предполагалось, что популяции ядовитых змей в природе неисчерпаемы, а отлов змей для серпентариев — наилучший способ контроля их численности, позволяющий получать сырье для производства антивеномов [Amagal 1927a: 73].

По мере развития биохимических исследований змеиный яд начинает использоваться как источник активных веществ, и его рыночная цена начинает расти. Теперь добыча яда в серпентариях осуществляется не только для производства антивеномов, но и для применения в других сферах фармакологической промышленности. Это сказывается на особенностях дискурса вокруг ядовитых змей — в нем артикулируется польза, которую эти животные могут

1 В книге М. Зикмунда и И. Ганзелки можно найти следующее свидетельство: «Ни одна из тех змей, которых вы видите здесь, не покинет Бутантан живой. В неволе змея отказывается принимать пищу, как только мы берем у нее первую порцию яда. Здесь она выдерживает лишь несколько месяцев. После четвертого или пятого взятия яда она погибает от голода» [Зикмунд, Ганзелка 1956].

принести человеку как источник ценного сырья, и несколько «размывается» их оценка как исконных врагов человека. Этот дискурс теряет однородность и становится противоречивым, что усугубляется по мере формирования природоохранной парадигмы и императива сохранения биоразнообразия. Двойственность этого дискурса теперь очевидна. Змеи по-прежнему воспринимаются как опасные для человека существа, но они же становятся источником веществ, которые могут помочь в борьбе с теми или иными заболеваниями, и тем самым неожиданно начинают рассматриваться как помощники (союзники) человека. В этом контексте снижение численности змей, их высокая смертность в серпентариях и уничтожение человеком начинают восприниматься по-другому. Впервые в научной и популярной литературе появляется тема сохранения ядовитых змей, их пользы для человека, не связанной с производством антивеномов.

196

В этом контексте можно говорить о трансформации классической модели серпентария. В деятельности этих институций проявляются тенденции, прямо противоположные первоначальным установкам. Возникает стремление к пролонгированию существования основных объектов эксплуатации, снижению объемов вылова змей в природе, в 1970-е годы начинаются первые работы по получению потомства у змей в неволе [Мальцева 1989]. Подобная трансформация отчасти рефлексирована на уровне научного анализа функционирования серпентариев¹, отчасти происходит стихийно, в ходе практической деятельности, но сохраняет универсальный характер. Основной ее характеристикой становится постепенное признание ценности змеи как контрагента человека в рамках общей деятельности по получению яда. Змеи воспринимаются уже не как часть враждебной природы, заведомо приговоренные к скорой смерти, но как животные, с которыми человек взаимодействует

1 В 1973 году французский герпетолог Поль Лелуп, один из создателей серпентария нового типа для швейцарской фармацевтической компании Pentapharm, отмечал: «когда мы начали работу по созданию серпентария в 1966 году, нас особенно поразили два момента: во-первых, то, что растущая потребность в змеином яде привела к реальному уничтожению некоторых видов змей, обусловленному бесконтрольным выловом десятков тысяч особей в год, и, во-вторых, огромная смертность, отмечающаяся в большинстве серпентариев. ... В связи с этим не только по этическим, но и по практическим соображениям мы сочли актуальным создание офиюкультуры, то есть рациональное содержание взрослых особей для регулярных ядовзятий с минимальной смертностью, а также систематическое их разведение и выращивание потомства» [Leloup 1973:287].

на постоянной основе, о которых необходимо заботиться так же, как о других его спутниках¹.

Частные составляющие этого процесса схожи для различных географических и культурно-исторических условий и предполагают изучение самих змей, их поведения в природе и неволе, оптимизацию условий содержания и борьбу с болезнями². Тем самым змеи, оставаясь объектом эксплуатации, становятся объектом заботы и оказываются частично реабилитированными по сравнению с предшествующим периодом их взаимоотношений с человеком. Такой подход приводит к изменению установок в отношении ядовитых змей в целом — они больше не рассматриваются как враги, подлежащие уничтожению, но скорее — как коллаборанты в решении задач, связанных с научной либо научно-производственной деятельностью.

Модификации стратегий эксплуатации змей: современная ситуация

В 1970–1980-е годы и в серпентариях, и в зоопарках мира были предприняты первые успешные попытки разведения различных видов змей и выращивания полученного потомства. В период сохранения установки на экстенсивный характер деятельности серпентариев, когда потери восполнялись за счет природных популяций, руководство этих учреждений не видело необходимости в осуществлении попыток получения потомства у их обитателей. По современным данным, большинство серпентариев в том или ином виде реализуют программы разведения, и в некоторых случаях абсолютное большинство особей в колонии рождены и выращены в неволе. Эти программы необходимы в тех регионах и странах, где действуют законы, ограничивающие или запрещающие отлов животных, а также если серпентарий осуществля-

197

1 Например, Викторий Макеев, один из ведущих герпетологов СССР, описывая свой опыт работы в серпентариях, отмечает, что «первые научные исследования, проведенные в серпентариях, были направлены на разработку режимов содержания и кормления змей. Важно было сохранить пойманных животных как можно дольше» [Макеев 1989: 91].

2 В качестве примера можно привести борьбу со вспышками стоматита, воспаления ротовой полости, вызываемого травматизацией при ядовозитях, попытки увеличения продолжительности жизни змей в Бутантане, связанные с изменениями условий их содержания (переход от общего вольера открытого типа — «змеиной ямы» — к закрытым помещениям с регулируемым фотопериодом и дифференцированными температурно-влажностными условиями), которые происходят в 1960-х годах [Belluomini 1965].

ет работу с видами, численность которых в природе ограничена [Powell et al. 2006].

Получение потомства в искусственных условиях у того или иного биологического вида может рассматриваться как логическое завершение расширения власти человека над ним. Самые сокровенные процессы, связанные с началом жизни, теперь становятся объектом контроля и манипуляций в духе биополитики в ее фукольдианском понимании. С этой точки зрения domestикация, одним из критериев которой является устойчивое воспроизведение вида в неволе, может рассматриваться как окончательная утрата суверенности биологическим видом. Человек в состоянии контролировать его изменчивость, осуществлять отбор по тем или иным критериям, модифицировать поведение.

198

Однако ядовитые змеи по иронии судьбы оказались весьма амбивалентным объектом, власть над которым даже при наличии технологий разведения в неволе оказывается ограниченной. Необходимость существования серпентариев обусловлена двумя задачами: получения сырья для производства антивеномов и получения сырья для биохимической промышленности (различные ферменты и активные вещества, извлекаемые из чистого яда). Состав яда становится ключевым фактором, ограничивающим domestикацию, поскольку он может различаться у представителей природных популяций одного и того же вида (и даже у одной особи в разном возрасте), что ограничивает эффективность произведенных на его основе противоядий [Zelanis et al. 2011].

Задача получения сырья для биохимической промышленности допускает возможность domestикации и селекционной работы (формирование генетических линий змей, чей яд будет по тем или иным параметрам в наибольшей степени соответствовать требованиям рынка), но задача получения яда для производства антивеномов, наоборот, заставляет избегать изменчивости при разведении в неволе. Таким образом, ядовитость змей в определенном смысле становится гарантией сохранения их суверенности, ограничивая возможности domestикации (в отличие от некоторых других видов змей, популярных в современной герпетокультуре, таких как майсовый полоз (*Pantherophis guttata*), королевский питон (*Python regius*), зеленый питон (*Morelia viridis*)).

Сегодня очевидной становится дифференциация самих серпентариев в зависимости от социально-экономического контекста их деятельности и ценностных императивов, определяющих взаимоотношения человека и природы. С одной стороны, получает развитие модель серпентария-колонии с устойчивой популяцией, воспроизведение которой осуществляется в объемах, необходимых для сохранения численности этой популяции. Такие колонии

в значительной степени автономны по отношению к природной среде и не нуждаются в пополнении за счет массового отлова новых особей. Персонал таких колоний заинтересован в максимальной пролонгации жизни составляющих ее змей, что способствует развитию практик ветеринарного обеспечения и щадящих методов ядовзятия (например, с использованием кратковременного наркоза, безопасной фиксации и т. д.). Примерами этой модели является большинство учреждений Южной и Северной Америки и Европы.

С другой стороны, в странах Юго-Восточной Азии развивается модель серпентария-фермы, для которой характерна установка на массовое воспроизводство и утилизацию большей части поголовья. По сути, здесь имеет место хорошо известная модель радикальной эксплуатации животных, характерная для всех видов коммерческого животноводства. Получение яда становится одним и не всегда ведущим направлением деятельности подобных ферм. Единичная особь рассматривается как сумма дериватов, каждый из которых должен принести прибыль их хозяевам. Соответственно, обитателей этих ферм ожидает неизбежная насильственная смерть, и длительность их жизни зависит от той роли, которая отведена в национальной гастрономической культуре или же традиционной медицине. Говорить о щадящих методах обращения с животными в этом случае, разумеется, не приходится, наоборот, практикуется рутинная жестокость.

199

Таким образом, можно говорить о двух различающихся стратегиях эксплуатации и в известной мере о двух разных биоэтических статусах объектов этой эксплуатации — ядовитых змей. В случае серпентария-колонии предполагается признание ценности жизни этих объектов, рассматриваемых зачастую как коллаборанты, пусть и недобровольные, что допускает в известной степени различие индивидуальных характеристик животных, а в исключительных случаях — закрепление этих характеристик в именах собственных. При этом пролонгация жизни и забота о здоровье животных становятся основой практик содержания. В случае серпентария-фермы животные выступают лишь в качестве совокупности объектов, жизнь которых сама по себе не имеет значения, а важна лишь ценность их физических тел.

Заключение

Серпентарии — яркий пример триумфа человека над теми видами змей, которые рассматривались в качестве враждебных, причем этот триумф предполагал извлечение пользы для человека. С функциональной точки зрения серпентарии имеют много общего с ре-

прессивными системами. В их деятельность вовлечено на недобровольной основе сразу несколько групп не-человеческих акторов. Это змеи различных видов, для которых серпентарий становится местом пожизненного заключения, лошади, здоровье которых подрывается за счет введения ядов и забора крови, а также экспериментальные и кормовые животные (в их перечень могут включаться и грызуны, и рыбы, и даже змеи для тех видов, которые предпочитают соответствующую диету). Однако дискурс, складывающийся вокруг деятельности серпентариев, к настоящему времени существенно модифицировался. Ядовитые змеи частично реабилитированы и выведены за пределы ниши главных врагов человека.

Таким образом, использование критического подхода позволяет рассмотреть взаимоотношения между человеком и ядовитыми змеями как часть континуума властных практик, реализуемых им в отношении конкретных биологических видов, которые делают возможным существование таких специфических институтов, как серпентарии. Однако, возникнув как системы, основанные на эксплуатации и насилии, в дальнейшем эти институты модифицируются в контексте глобальных изменений установок в отношении взаимодействий человека и природы, формирования биоэтических регулятивов этих взаимодействий, и парадоксальным образом способствуют сохранению тех видов, для борьбы с которыми когда-то создавались.

200

Библиография / References

Альбедиль М.Ф. (2012) Змея в индийской традиционной культуре: совпадение противоположностей. *Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени*, СПб.: МАЭ РАН: 152-164.

— Al'bedil' M.F. (2012) The Snake in Indian Traditional Culture: A Match of Opposites. *Bestiary II. Zoomorphisms of Asia: movement in time*, SPb.: MAE RAS: 152-164. — in Russ.

Бер-Глинка А.И. (2015) Домашние змеи как элемент традиционной культуры народов Европы. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*, 2: 17-84.

— Behr-Glinka A.I. (2015) Domestic Serpents as an Element of European Traditional Culture. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, 2: 17-84. — in Russ.

Вершинина И.А., Курбанов А.Р., Лядова А.В., Мартыненко Т.С. (2018) Бразильский след в мировой науке: Витал Бразил и Институт Бутантан. *Латинская Америка*, 2: 71-85.

— Vershinina I.A., Kurbanov A.R., Liadova A.V., Martynenko T.S. The mark of Brazil in the world science: Vital Brazil and the Institute Butantan. *Latinskaya Amerika [Latin America]*, 2: 71-85. — in Russ.

Гущин, А.В., Перова Л.И. (2011) *Промысловая фауна океанических вод Северо-Западной Африки*, Калининград: АтлантНИРО.

— Gustchin A.V., Perova L.I. (2011) *Industrial fauna of oceanic water from Northern West Africa*, Kaliningrad: AtlantNIRO. — in Russ.

Егоров П.С. (1964) К истории изучения ядовитых змей и их ядов в Средней Азии. *Вопросы герпетологии. Материалы герпетологической конференции 12-14 октября 1964 г.*, Л.: Изд. Ленинградского университета: 22-24.

— Egorov P.S. (1964) On the History of the Study venomous snakes and its venoms in Central Asia. *The problems of herpetology. Materials of the herpetological conference October 12-14 1964*, L.: Publishing House of the Leningrad University: 22-24. — in Russ.

Зикмунд М., Ганзелка Е. (1956) *Там за рекою Аргентина*, М.: Молодая гвардия.

— Zikmund M., Hanselka E. (1956) *There over the river Argentina*, M.: Young Guard. — in Russ.

Латур Б. (2015) *Пастер. Война и мир микробов. С приложением «Несводимого»*, СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Latour B. (2015) *Pasteur. War and Peace of Microbes. With the application "Irreducible"*, St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. — in Russ.

Мальцева В.С. (1989) Гибридизация гюрзы. *Вопросы герпетологии. Седьмая всесоюзная герпетологическая конференция. Авторефераты докладов*, Киев, 26-29 сентября 1989 г., Киев: 149.

— Maltseva S.V. (1989) Hybridisation of blunt-nosed viper. *The problems of herpetology. Seventh herpetological conference. Abstracts, Kiev, September 26-29, 1989*, Kiev: 149. — in Russ.

Макеев В.М. (1989) *В поисках кобры: Записки герпетолога*, М.: Агропромиздат.

— Makeev V.M. (1989) *In searches of cobra: herpetologist's notes*, M.: Agropromizdat. — in Russ.

Amaral A. (1927) Improved process of venom extraction. *Bulletin of the Antivenin Institute of America*, 1: 100-102.

Amaral A. (1927) Notes on nearctic poisonous snakes and treatment of their bites. *Bulletin of the Antivenin Institute of America*, 1: 61-76.

Belluomini H.E. (1965) Venom production of snakes in captivity. *Memórias do Instituto Butantan*, 32: 79-88.

Best S., Nocella II A.J., Kahn R., Gigliotti C., Kemmerer L. (2007). Introducing Critical Animal Studies. *Journal for Critical Animal Studies*, 5 (1):4-5.

Bochner R. (2016) Paths to the discovery of antivenom serotherapy in France. *Journal of Venomous Animals and Toxins including Tropical Diseases*, 22: 20.

Brazil V. (1911) *A Defesa contra o Ophidismo*, SãoPaulo: Pocaí & Weiss.

Charlesworth J.H. (2010) *The Good and Evil Serpent: How a Universal Symbol Became Christianized*, Yale University Press.

Cobras dos serpentários do Instituto Butantan (1946), S. Paulo.

Dewulf J. (2017) Böse Kräfte im brasilianischen Paradies: Gift, Leben und Tod bei dem Besuch Stefan Zweigs am Schlangeninstitut von Butantan. *Journal of Austrian Studies*, 50 (3-4): 79-98.

Drummond L. (1981) The Serpent's Children: Semiotics of Cultural Genesis in Arawak and Trobriand Myth. *American Ethnologist*, 8 (3): 633-660.

Fayrer J. (1872) *The Thanatophidia of India. Being a Description of the Venomous Snakes of the Indian Peninsula, with an Account of the Influence of Their Poison on Life and a Series of Experiments*, London (<https://archive.org/details/TheThanatophidiaOfIndiaBeingA-DescriptionOfTheVenomousSnakesOfThe/page/n1>).

Ferkl A. (2018) The Question of Non-Human Animals in Sociology. *Sloth*, 4:1 (<https://www.animalsandsociety.org/human-animal-studies/sloth/sloth-volume-4-no-1-winter-2018/question-non-human-animals-sociology>).

Guillo D. (2015) What is the Place of Animals in the Social Sciences? The Limits to the Recent Rehabilitation of Animal Agency. *Revue française de sociologie*, 56: 135-163.

Hablolvarid M., Eslampanah M., Akbari A. (2017) Prognosis of Hepatic Amyloidosis Status and Insufficiency in Snake Antivenom Producing Horses. *Archives of Razi Institute*, 72 (2): 115-124.

Hobbins P. (2017) *Venomous Encounters: Snakes, Vivisection and Scientific Medicine in Colonial Australia*, Manchester: Manchester University Press: 216.

Johnson J.B. (1933) The Butantan Institute and snake farm: an interview. *The Youth's Instructor*, 81 (45): 7-14.

Lioros V., Kotsiotis V.J., Kokoris S., Pimenidou M. (2018) The two faces of Janus, or the dual mode of public attitudes towards snakes. *Science of the Total Environment*, 621: 670-678.

Leloup P. (1973) Essais de rationalisation dans le maintien d'un serpentarium à but industriel. *Acta Tropica*, 30: 281-311.

Pinheiro L.T., Rodrigues J.F., Borges-Nojosa D.M. (2016) Formal education, previous interaction and perception influence the attitudes of people toward the conservation of snakes in a large urban center of northeastern Brazil. *Journal of ethnobiology and ethnomedicine*, 12 (1): 25.

Powell R.L., Sanchez E.E., Perez J.C. (2006) Farming for venom: survey of snake venom extraction facilities worldwide. *Applied Herpetology*, 3: 1-10.

Price L. (2017) Animals, Governance and Ecology: Managing the Menace of Venomous Snakes in Colonial India. *Cultural and Social History*, 14 (2):1-17.

Sánchez-Paniagua K., González-Villalobos K., Abarca J.G. (2018) Percepción social y encuentros con serpientes en Costa Rica: un análisis a través de la red social Facebook. *Revista de Ciencias Ambientales*, 52 (1): 190-208.

Schickore J. (2017) *About Method: Experimenters, Snake Venom, and the History of Writing Scientifically*, Chicago: University of Chicago Press.

Understanding the Relationship Between Livestock, Snakes and Livelihoods in Costa Rica (<https://globalhealthsciences.ucsf.edu/blog/understanding-relationship-between-livestock-snakes-and-livelihoods-costa-rica>).

Venomous snakes distribution and species risk categories (<http://apps.who.int/bloodproducts/snakeantivenoms/database/default.htm>).

Woods A., Bresalier M., Cassidy A., Mason Dentinger R. (2018) Introduction: Centring Animals Within Medical History. In: *Animals and the Shaping of Modern Medicine. Medicine and Biomedical Sciences in Modern History* (https://doi.org/10.1007/978-3-319-64337-3_1).

Zelanis A., Tashima A.K., Pinto A.F., Leme A.F., Stuginski D.R., Furtado M.F., Sherman N.E., Ho P.L., Fox J.W., Serrano S.M. (2011) Bothrops jararaca venom proteome rearrangement upon neonate to adult transition. *Proteomics*, 11: 4218-4228.

Рекомендация для цитирования:

Курбанов А.Р. (2019) Ядовитые змеи в контексте критических исследований животных: к постановке проблемы. *Социология власти*, 31 (3): 186-203.

For citations:

Kurbanov A.R. (2019) Venomous Snakes in the Context of Critical Animal Studies: The Problem Statement. *Sociology of Power*, 31 (3): 186-203.

Поступила в редакцию: 17.08.2019; принята в печать: 30.09.2019

Received: 17.08.2019; Accepted for publication: 30.09.2019